

АЛЕКСЕЙ ВЕНЕДИКТОВ

ИСПОВЕДЬ
МАХРОВОГО РЕАКЦИОНЕРА

Алексей Алексеевич Венедиктов
Исповедь махрового
реакционера
Серия «Политические тайны XXI века»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18117830
Исповедь махрового реакционера: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0515-3

Аннотация

Алексей Венедиктов – российский журналист, главный редактор, совладелец и ведущий передач радиостанции «Эхо Москвы», – известен своими острыми и глубокими интервью и статьями о положении дел в современной России. Свое политическое кредо он обозначает как «махровый реакционер», чьими идеалами в политике «являются Рейган и Тэтчер, а отнюдь не либералы». «Я гораздо правее, чем Владимир Владимирович Путин», – говорит о себе Алексей Венедиктов. В книге, представленной вашему вниманию, собраны лучшие материалы А. А. Венедиктова за последние годы. Вертикаль власти Путина, судебная и полицейская система в России, экономические реформы в нашей стране, положение народа, состояние культуры, особенности оппозиционного движения, –

все это рассматривается автором с позиций «романтического консерватизма».

Содержание

Вместо предисловия. Я махровый реакционер	6
Год Путина в третьем сроке	14
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Венедиктов

Исповедь махрового реакционера

© Венедиктов А. А., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Вместо предисловия. Я махровый реакционер (Интервью А. А. Венедиктова

для сайта Известия. ру)

– Вы главный редактор «Эха Москвы» уже 10 лет, и понятно, что за это время радиостанция сильно изменилась. Но в чем принципиальное отличие сегодняшнего «Эха» от радиостанции 10-летней давности?

– Напомню, что когда я стал главным редактором, до этого 2 года у «Эха» не было главного редактора: Сергей Корзун ушел в 1996 году на телевидение делать новый проект. Мы тогда не стали избирать нового главного редактора, потому что думали, что это у Сережи блажь и что он вернется. Мы два года держали позицию без главного редактора – было два первых заместителя: Сергей Бунтман по программам и я по информации. В результате рейтинги упали до 2 %. Это было очевидно, когда нет единой кадровой политики и когда каждый тащит одеяло на себя: я на информацию, а Сережа на программы. И в 1998 году у Бунтмана сдали нервы. Он сказал: «Хватит, я тебя выдвигаю, давай проводить собрание!»

– Победила информация.

– Да, и это важно, потому что в 1998 году мы как раз стро-

или радио формата news-and-talk. То есть мы начали еще при Корзуне, но к 1998 году достроились до того, что новости шли в эфире каждые 15 минут. Это то, на что сейчас через 10 лет вышли «Сити FM», «Вести FM». Это было еще до того, как в нашу жизнь активно ввалились Интернет, кабельное и спутниковое телевидение. Года 2–3 тому назад мы поняли, что радио и вообще электронные масс-медиа проигрывают в скорости и в объеме Интернету. Появились наладонники, в которых вы можете в любую секунду посмотреть новости. Интернетовский информационный поток стал нас накрывать. И никакое электронное средство массовой информации сейчас не может сравниться по скорости, по точности и объему с интернетом.

Тогда мы поняли, что нужно менять формат радио. Было несколько бурных совещаний с хлопанием дверями, разрыванием рубашек на себе и друг на друге. Выпито было много. Мы поняли, что поскольку меняется запрос аудитории – ей нужно от прессы учитывание ее мнения, – то нужно изменить формат на talk-and-news, то есть вперед выходит разговор. Мы стали разговорно-информационным радио. При этом, что мы стали строже относиться к отбору новостей, строже их обрабатывать. У нас появились разговорные дискуссионные программы, которые занимают большую часть эфира. Причем у нас разговаривают не Зюганов с Жириновским, хотя и это есть, а мы или наши гости разговаривают со слушателями. То, что называется неправильным словом

«интерактив».

– Я знаю, что вы придумали искать среди слушателей экспертов по тому или иному вопросу.

– Мы создали Клуб привилегированных слушателей, структуру, при которой люди, зарегистрировавшись на нашем сайте, открывают свои подлинные фамилию, биографию, телефоны, адрес. В клубе сейчас 2000 человек, которые готовы экспертировать в эфире «Эха» то, что они знают. Более того, мы создали передачу, пока экспериментальную, которая называется «Народ против...», когда люди из этого клуба приходят и разговаривают с гостем: Немцовым, Вешняковым, который посол в Латвии, до этого был кто-то из министров, прямо в эфире.

Например, Борис Жуйков, который сейчас по полонию выступает на всех каналах, начал с того, что был слушателем «Эха Москвы» и членом клуба. Другие просто услышали, как он выступает, и стали его приглашать. И мы надеемся, что так будет и дальше.

Кроме создания элитарного клуба есть еще одна линия: когда что-то происходит, мы теперь не просто принимаем звонки. Скажем, у нас в связи с делом Алексаняна возникла тема «врачи и больница». И мы в эфире просили тюремных врачей нам звонить. И нам звонили люди: один работал 15 лет во Владимире тюремным врачом, позвонил бывший заключенный, который болел туберкулезом, и рассказал, как его лечили. Где мы это еще возьмем? Это слушатель позво-

нил и рассказал о своем уникальном бесценном опыте!

Я был потрясен тем, что моим молодым ведущим (это был следующий шаг – снизить возраст ведущих) больше нравится говорить не с послом или министром, а с обыкновенными людьми, потому что они интереснее говорят, потому что не скованы рамками и не занимаются дипломатией. И это течение, которое у нас сейчас развивается, опирается на опыт и экспертную оценку наших слушателей.

В марте этого года мы запускаем новый сайт, где каждый посетитель, зарегистрировавшись, сможет комментировать каждую новость, каждую реплику, каждое голосование, каждое интервью. Мы превращаем в блог каждый материал на сайте. Это не только информационная площадка, но и место общения посетителей сайта.

– За «Эхом» закрепились репутация самой либеральной на сегодня радиостанции, которой все позволено. При этом либерализм, кажется, больше не в моде. Будете что-то менять?

– Есть либерализм в подходах и есть либерализм во взглядах. Либерализм в подходах означает, что площадка доступна всем, кроме фашистов. Большой либерал у нас Доренко, видимо, большой либерал у нас Проханов...

– Помню историю с Доренко, когда вы говорили, что «руки ему не подадите», а потом взяли его на «Эхо»...

– А я руки ему и не подаю, я ему зарплату плачу – это разные вещи... Большой либерал у нас Леонтьев, который

на нашем радио имеет такую же рубрику, как на «Маяке». Либеральный подход заключается в том, что у нас свободная площадка.

Что касается взглядов – это совсем не так. Я – и все это знают – махровый реакционер, и в политике моими идеалами являются Рейган и Тэтчер, а отнюдь не либералы. Среди моих ведущих журналистов, например, Юлия Латынина, поклонница Рамзана Кадырова. Какой либерализм – он здесь не ночевал и не спал. Когда в этом кабинете Бунтман схватывается с Доренко или с Ганапольским по политическим взглядам – абсолютно разные позиции. Поэтому либеральность станции заключается в том, что все, кроме фашистов, имеют возможность высказаться, и я на этом стою.

Ну да, в моде бывают разные идеологии, но это модные истории. Чем «Эхо Москвы» не грешит, так это погоней за модой – мы идем впереди. Это тоже не всегда удобно. Костяк радиостанции – это люди, которые здесь работают 15 лет, и нас убедить в том, что все, что мы делали до сих пор, неправильно, невозможно. Я, как меня тут назвал Сережа Караганов, «реакционный романтик» или «романтический реакционер». Да, я очень консервативен в понимании политики моей страны. Я гораздо правее, чем Владимир Владимирович Путин. Ну и что? Какое это имеет отношение к организации работы радио? Какое это имеет отношение к тому, чтобы не пускать сюда Киселева, Альбац или Проханова? Никакого.

Я держу супермаркет, и если лично я вегетарианец – это

не значит, что в моем супермаркете не должны продаваться мясо или рыба.

– *Что касается того, что вы идете впереди моды, то тут сложно спорить – я читала ваше интервью 2005 года, когда вы сказали, что преемником Путина станет Медведев. Как смогли просчитать?*

– Это история школьного учителя – организованный мозг. Я очень этим горжусь. Как мне кажется, я представляю себе Путина, его психофизическое естество, я его понимаю. И как мне объясняют товарищи, это одна из причин, по которым «Эхо Москвы» не грохнули. И с господином Медведевым вышло таким образом: я не сомневался, что Путин скорее уйдет, чем не уйдет с поста президента. А если он уходит – тогда кто? Я расстелил перед собой возможных кандидатов. Конечно, мог быть и Иванов, и Якунин, и Грызлов, и Миронов. Но при прочих равных в этой конъюнктуре я посчитал, что это Медведев. Это чисто математический расчет, который мог быть ошибочным.

Я так же посчитал год назад, что Маккейн будет представлять на президентских выборах в США Республиканскую партию. Мне все говорили: да ты что! какой Маккейн! лузер он – твой Маккейн, не может этого быть! Так три года назад я посчитал Саркози.

Но я и ошибался, когда думал, что Берлускони выиграет выборы, – он немножко проиграл, но, тем не менее, проиграл. Важно отрешиться от своих пристрастий, когда ты на-

блюдаешь политический процесс. Есть тупой упрямый математический расчет: $2 \times 2 = 4$, и в этой системе координат оно все равно 4. И Дмитрий Медведев, перефразируя Владимира Ильича Ленина, это объективная реальность, данная нам в ощущении и независимая от нашего сознания.

– *А зачем выборы главного редактора «Эха» на день президентских – 2 марта – назначили?*

– Тут есть, конечно, элемент шутки, дразнилки и показывание длинного красного мокрого языка. Но, с другой стороны, у нас проблема – нам надо собрать журналистов. Все журналисты работают по разным сменам. Понятно, что 2 марта все журналисты на работе, не надо никого специально собирать в их свободный день для того, чтобы проводить эти выборы. А в 12 часов ночи сравнить свой процент с процентом будущего президента – это такой fun. Мы на «Эхе» живем весело.

– *А что это за история с тендером на частоту?*

– Мы за этот год не выиграли ни одной частоты у федеральной конкурсной комиссии. Неформально нам объясняют: предвыборный год, давайте потом. Но когда выигрывает станция неизвестная, а потом через короткий срок перепродается – это стыдная история. Эмоционально я могу об этом говорить, но политическую реальность я понимаю. Я отношусь к этому философски – мы в пятый раз подадим в Новосибирск, в 47-й раз подадим. Знаете, когда мы приглашали на радио господина Клинтона, когда он еще был пре-

зидентом, мы его приглашали 8 раз – он пришел на 8-й. И это когда-нибудь случится.

2008 г.

Год Путина в третьем сроке

(интервью Алексея Венедиктова для программы

«В кругу Тони» на радио «Эхо Москвы»)

А. САМСОНОВА: Добрый вечер. Вы слушаете радиостанцию «Эхо Москвы», это программа, которая странным образом называется «В кругу Тони», я – Тоня Самсонова, и у меня в гостях главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов. Алексей Алексеевич, здравствуйте.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Добрый вечер.

А. САМСОНОВА: А давайте начнем с вопроса нашего слушателя, который пришел на сайт. «Эхо Москвы» ускоряет конец режима Путина или продлевает ему жизнь?

А. ВЕНЕДИКТОВ: «Эхо Москвы» документирует начало режима любого, течение режима любого и конец режима любого. Мы документируем.

А. САМСОНОВА: Ну и что в результате получается?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Каждый берет этот документ и пользуется его. Но это уже не наша проблема. Когда у тебя несколько миллионов слушателей и каждый из них воспринимает информацию по-разному... Там вот сегодняшняя дискуссия вокруг Героев труда – она же очевидно расколола общество.

Кто-то считает, что это потому, что нужно повесить бирюльки и не дать денег, а кто-то считает, что это стимулирует труд. Голосование на «Эхо Москвы» показало 52 на 48 процентов людей. Вот так раскололось мнение наших слушателей. А мы задокументировали, что Путин ввел указом это награждение, наградил таких-то людей. Вот и вся история. Поэтому насчет ускорения или торможения – это в головах у людей, у каждого свое. Что для одного тормоз, для другого ускорение. Они путают рычаги.

А. САМСОНОВА: Мы в этой программе будем говорить на тему «Год Путина в третьем сроке», подводить итоги первого года. И учитывая вашу недавнюю встречу с Путиным, когда вы сравнили его режим и сказали, что легкие нотки 1937 года и сталинизма, – как объективное СМИ, которое только документирует режимы, могло бы существовать и может существовать, допустим, в 1937 году при сталинских нотках в правлении?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Конечно, не могло, потому что мы говорим только о нотках. Но мы говорим о том, что 13 лет тому назад пресса (если не брать интернет, а брать традиционную прессу) была много-много многообразнее. Была много-много разнообразнее. Представляла интересы разных слоев общества. Имела свою стратифицированную аудиторию, не делилась на «за Ельцина» и «против Ельцина». Было все гораздо сложнее. С приходом Владимира Путина эта картина стала более монотонной, я бы сказал так. Все телеканалы фе-

деральные – они, естественно, управляются или менеджируются из одного центра. Этот центр – это Кремль. Поэтому разнообразие не допускается. Мы даже по новостям видим просто совпадения.

А. САМСОНОВА: А как Кремль менеджирует «Эхо Москвы»?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Кремль менеджирует «Эхо Москвы» через подобные встречи... Не подобные встречи, я имею в виду не публичные встречи, а через встречи не публичные. Так же, как другие главные редактора, я хожу на эти встречи, где мне и моим коллегам от Эрнста до не Эрнста пытаются объяснить мотивацию. Собственно, чего мы хотим узнать? Мы хотим узнать не что вы сделали (мы и так знаем, что вы сделали), а почему вы это сделали и какие последствия вы предусматриваете? Ну вот таким образом люди, как бы, пытаются нас убедить, завербовать, рассказать, растолковать. Вот так вот Кремль менеджирует «Эхо Москвы», не считая того, что Кремль является нашим акционером прямым. И чего тут говорить? Ну, вот те люди, которые объявлены нашими акционерами, они не лезут в информационную политику.

А. САМСОНОВА: В предисловии к книге Елены Мицкевич, которая посвящена СМИ в России, – она только что вышла и не важно, да? – она пишет как общее место: «Ну, всем известно, что Венедиктов 6 мая 2012 года не дал сквозной эфир Болотной площади, а только в новостях об этом расска-

зывал, потому что если бы он поступил как “Коммерсантъ ФМ”, например, он бы за это поплатился».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, всем известно, 6 мая 2012 года меня не было в Москве. Вот.

А. САМСОНОВА: Как клево.

А. ВЕНЕДИКТОВ: У меня отметка в паспорте, у меня алиби, понимаешь?

А. САМСОНОВА: Какой вы умный.

А. ВЕНЕДИКТОВ: На самом деле, я вполне доверяю своим заместителям: Владимиру Варфоломееву, информационному волку, Сергею Бунтману, волку программному, – которые должны были сами принимать решения, насколько это важно. Мы, еще раз повторяю, мы – информационное, политическое радио, общественное, если угодно. И одно событие должно быть такое, какое, не дай бог. Когда начались...

Я же потом приехал, посмотрел, потому что 7 мая я был на инаугурации, со мной на эту тему разговаривали, естественно, как работало «Эхо Москвы». И с того момента, как начались столкновения, когда банальная, в общем, демонстрация, ну, к которым мы привыкли с декабря 2011 года... А с декабря 2011 года ни одного столкновения в Москве не было. На стотысячных митингах не было ни одного столкновения, ни одной битой морды, ни одного укушенного полицейского или ни одного задержанного демонстранта, я напому. Ну, не считая 31-е. Я имею в виду вот эти мощные митинги. Поэтому к 6 мая «Эхо» готовилось как обычно, как

я понимаю.

Но когда начались столкновения с полицией, «Эхо» включило сквозной режим. Это неправда, что написано в этой книге. На сайте все есть. Слава богу, все сейчас документируется.

А. САМСОНОВА: Что должно произойти в стране, чтобы вы отстранились от позиции журналиста, редактора и занялись политикой, то есть сделали «Эхо» пропагандистским?

А. ВЕНЕДИКТОВ: В стране ничего не должно произойти, это должно быть мое желание сменить профессию. Просто сменить профессию.

А. САМСОНОВА: Такое возможно?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Вот когда у меня возникнет желание сменить профессию, я ее сменю.

А. САМСОНОВА: Если задержанные по Болотной, например, будут расстреливаться.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, мы будем об этом говорить. Моя задача...

А. САМСОНОВА: Но вы останетесь журналистом?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, ну, моя задача – рассказывать о том, что задержанные Болотные расстреливаются Путиным, что Путин сажает Навального. Моя задача – обеспечивать площадку, где об этом будут говорить. Иначе как вы узнаете, что их расстреливают?

А. САМСОНОВА: Вам жалко, что Болотная проиграла, а Путин выиграл?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Болотная не проиграла и Путин не выиграл. Я ведь действительно стою на позиции наблюдателя. Мне очень удобно. На самом деле, мне абсолютно удобно, потому что с кочки наблюдателя, который перемещается по периметру и смотрит под разными углами зрения... Я смотрю на это глазами Путина, я смотрю на это глазами Навального.

А. САМСОНОВА: Это публичная позиция.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет-нет-нет, это (НЕРАЗБОРЧИВО).

А. САМСОНОВА: Это публичная позиция. А человеческая позиция? Вот вы как гражданин России.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А я не считаю, что она проиграла. Я считаю, что то, что случилось в декабре 2011 года, продолжает происходить. Вырастает гражданское общество. Это чрезвычайно позитивно. Оно корчится в судорогах, потому что вырастает оно в очень неблагоприятных условиях, когда власть, как правило, не желает с ним сотрудничать и его давит. Но оно вырастает. Здесь важнее не что власть давит, а что оно вырастает. Потому что если вы сделаете шаг назад и посмотрите, что было в 2010 году, вы этого ничего не увидите. Вы не увидите волонтерских движений, которые уже были, но они были совершенно еле-еле зарождающимися. Вы не увидите вот этих массовых акций протеста. Более того, в Москве были запрещены антиправительственные митинги. И, собственно говоря, великая роль Лимонова и «Стратегии-31»... Я настаиваю на этом: это историческое событие.

И Лимонову не надо от него отказываться: он проломил своим этим упрямством, упорством, иногда непонятным, возможность проводить митинги против правительства, против Путина в Москве. До этого их не было. Их не было. Оно стало. Оно стало публичным, об этом стали говорить, это стали показывать, в том числе и государственные каналы. Я не считаю, что это поражение. Сегодня и сейчас ничего не бывает. Всё – процесс.

Путин ничего не выиграл. У Путина была возможность... Вот, на мой взгляд, хотя его не разделяют ни в Кремле, ни... Где там у нас Навальный-то сидит? Еще нигде не сидит, да? Не, я имею в виду, где у него офис. Перед третьим сроком, насколько я знаю (я там, как бы, наблюдал это дело, естественно, наблюдая, общался), у Путина был выбор. Он понимал, что сохранить прежнюю страну после Медведева, ну, после этих событий (я имею в виду – после митингов) нельзя. Вот, прежнюю политику нельзя, невозможно. И здесь был выбор: идти по пути Горбачева или Андропова. Ну, это я упрощаю так же, как я упростил со сталинскими нотками, но, тем не менее, чтобы люди понимали.

А. САМСОНОВА: Но в реальности он кто?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Либо идти на реформу, в том числе политическую. Мы видели, как в декабре после митингов, скрипя зубами, хрустя суставами, – выборы губернаторов, регистрация политических партий. Это вот некое начало Горбачева. Я же помню 1987-й год, мы тоже не понимали,

что это такое было. Но мы видели, что вот возможны новые партии. Где 6-я статья по КПСС? Нету. И так далее, и так далее. Вот, внутри этого Путин... Когда я говорю «Путин», я имею в виду «коллективный Путин», конечно, хотя, естественно, решающее слово принадлежало премьер-министру, а теперь президенту.

Он колебался, он не понимал, что эффективнее. В конечном итоге мне представляется, что под разными обстоятельствами, для него важными, он решил, что это просто разболтанность общества, что в стране существует масса угроз как внешних (подчеркну я), так и внутренних. И что прежде чем чего-то там реформировать, надо подкрутить гаечки. Вот, как Андропов.

Я вот читал доклады Андропова. Ты знаешь, там вот все было. Да, люди не работают, гуляют, прогуливают, нужно в кинотеатрах их отлавливать, заставлять работать. Ну, это то же самое, грубо говоря, только с применением там... А диссиденты – это, значит, западные, их надо сажать, там, в психиатрические больницы (я имею в виду андроповское время). Запад – враг, поэтому надо сбивать Боинг, потому что он шпионский с гражданским населением.

Это все вот такой выбор. Может быть, мне надо было сказать «андроповские нотки», но я бы тогда польстил Владимиру Владимировичу. Я, как бы, не хотел ему льстить, я задал тот вопрос, который меня волновал. Я совершенно не понимаю, почему я должен задавать вопрос, который волну-

ет других. Если я там, то я задаю от себя.

Поэтому мне кажется, что он немножко помучился, ну, совсем немножко, месяца 2–3. 18 января уже, когда он уже мне отвечал на предложение организовать встречу с Лигой избирателей... Это совсем не политическая схема. Я уже был послан публично, как вы помните, с этим. «А кто эти люди?» Да? И я думаю, что именно тогда, в конце января – начале февраля, перед выборами решение было принято на конфронтацию с этой, может быть, незначительной, но важной частью общества, ну, там, 20 %, 30 %. Вот это его решение. Дальше он идет по этой дороге, дальше логика идет по этой дороге. Вот его третий срок или четвертый, как мне пишут. Ну, какая разница, ребята? Ну, вы же понимаете, о чем мы говорим. С 2012 года, да? Пусть он будет четвертый, пусть он будет третий, пусть он будет легитимный, пусть он будет, как вы считаете, неконституционный (как некоторые считают). Не имеет значения. Мы сейчас говорим о том, какая политика ведется. Вот, наблюдая за этой политикой, я для себя сделал вывод, что эти гаечки – они закручиваются уже не формально, а сущностно, да? То есть психологически он уже пытается это оправдать (и мы это все слышали на прямой линии) какими-то очень простыми вещами, иногда даже подменяя понятия.

А. САМСОНОВА: Вы говорили на этой прямой линии... Вас представили как человека, которому предлагалось стать доверенным лицом Путина.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Который отказался. Ну, меня так представили представители ВГТРК, это правда, это не я говорил.

А. САМСОНОВА: А кто звонил? Кто предлагал?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да никто не звонил. Это было 20 главных редакторов, где Путин это сделал лицо в лицо 3 раза. И лучше бы у руководителя ВГТРК спросили, у своего начальника господина Добродеева, который при этом присутствовал. Спросили бы у Константина Эрнста, который при этом присутствовал, спросили еще у 20 главных редакторов, которые при этом присутствовали. У Дмитрия Пескова можно было спросить. В чем вопрос-то? Мы-то с Путиным знаем.

А. САМСОНОВА: То есть Путин лично вам сказал?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да. Но это рассказал не я. Я с закрытых встреч никогда ничего не говорю, как известно. На следующий день после этой встречи господин Сунгоркин, глава «Комсомольской правды», доверенное лицо Владимира Владимировича Путина, выступая в прямом эфире телекомпании «Дождь», сказал: «Чего вы за Венедиктова волнуетесь?». Посмотрите, на сайте все есть. «Чего вы волнуетесь? А вы знаете, что ему Путин предложил дважды, трижды?..»

А. САМСОНОВА: А расскажите этот диалог.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Какой?

А. САМСОНОВА: Вот, вы сидите на встрече с Путиным.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да не, ну это длинная история. Я, помоему, ее уже рассказывал. Ну, сначала Владимир Владимирович сказал, что, значит, вот это радио поносом его поли-

вает с утра до вечера. Он на нас за это не обижается. И когда камеры ушли, он сказал: «Ну, это все ладно, Алексей. А вы почему не ходите на выборы?». Я говорю: «Я не хожу на выборы, потому что я считаю, что главный редактор политического СМИ не должен ходить на выборы, чтобы такие вопросы не задавать». Он говорит «Ну и напрасно. А вы станьте моим доверенным лицом».

А. САМСОНОВА: А вы?

А. ВЕНЕДИКТОВ: А я аж задохнулся, я говорю: «Да вы что, Владимир Владимирович, где я, а где ваши доверенные лица». Он говорит: «Вы что, мне не доверяете?». Я говорю: «Я этим выборам не доверяю». Он говорит: «А я вот вам доверяю. Станьте моим доверенным лицом».

А. САМСОНОВА: А вы?

А. ВЕНЕДИКТОВ: А я взял паузу. В это время там Таня Лысова, главный редактор газеты «Ведомости», перехватила инициативу, дала мне возможность выдохнуть, потому что, на самом деле, ну, тебе президент предлагает. Слушайте, ну там все хотят стать его доверенным... Вот, все, кто сидел за столом, хотели стать его доверенным лицом. А он предлагает человеку, которого только что обвинил в том, что, значит, вот его поносят.

И потом уже, когда люди ушли и мы остались втроем (там был Дмитрий Песков), я ему сказал эту известную фразу из «Трех мушкетеров». Я ее вспомнил, процитировал: «Знаете, Ваше Высокопреосвященство. Почему-то все мои друзья на-

ходятся на той стороне, а все мои враги по какой-то нелепой случайности находятся на вашей стороне». Тут он стал смеяться, услышав цитату знакомую. Я говорю: «И меня дурно приняли бы здесь, и на меня плохо бы посмотрели бы там, – говорю я. – Может быть, когда-нибудь я заслужу честь, Ваше Высокопреосвященство», – продолжал я. Он мне говорит: «У вас хорошая память». Я говорю: «На хорошие книги у меня всегда хорошая память». Он говорит: «Ну, подумайте-подумайте» – и ушел. Все.

А. САМСОНОВА: А Путин – враг?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Какой? Путин – президент.

А. САМСОНОВА: Вот, вы же сейчас цитату приводили.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, я же цитату привел. Какой он враг?

Он – президент.

А. САМСОНОВА: То есть из цитаты не следует?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это я – враг, а он – президент.

А. САМСОНОВА: А вы – враг?

А. ВЕНЕДИКТОВ: А я – враг. А он – президент.

А. САМСОНОВА: Вам какой Путин больше нравился?

Образца 2000-го, 2004-го или 2012-го?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Что такое «нравился»? Его политика мне, конечно, вот если сейчас посмотреть назад, при всем том, что он там делал с НТВ, с Ходорковским и так далее, конечно, первая его каденция, первое его правление из тех 3-х, которые есть, мне нравилось больше. Мне казалось, что для страны оно гораздо полезнее, не взирая, повторяю, на...

Полезнее, чем сейчас, потому что сейчас-то что? Сейчас репрессивный режим, реакционный.

А. САМСОНОВА: Нас пользователь Илья Липкис возвращает к теме нашей программы. Мы подводим итоги третьего срока Путина, первого его года. Что со знаком плюс сделал Путин, чего вы не ожидали от него?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я ничего от него не ожидал, потому что я его плохо знал. Ну, начало было конфронтационным, как все помнят, да? Это я ходил, реально я ходил от имени холдинга «Медиа-Мост», я ходил спасать НТВ и «Эхо Москвы». Одно удалось, другое нет. Удалось «Эхо», к счастью, не удалось НТВ, к сожалению.

Был недостаточно убедителен, и сейчас понимаю, что все можно было, как бы, попытаться сделать. Ну, ладно. Там не я один играл в это.

А. САМСОНОВА: Хорошее. Давайте за год хоть одно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, почему за год? Какой год?

А. САМСОНОВА: Вот, мы берем с инаугурации по сегодняшнее число.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А, этот год?

А. САМСОНОВА: Да, этот год.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Этот год? Я думал, за все время.

А. САМСОНОВА: Да. Самое хорошее, то, что не ожидали.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, я думаю, что какие-то вещи, наверное, все-таки, в экономике. Мне трудно сказать. Я здесь

плохо понимаю, здесь вполне доверяю своим друзьям, которые этим занимаются. Я думаю, что там есть какие-то вещи. Ну, точно я могу сказать, что я их не понимаю. В этот год я считаю, что режим начинает мутировать в сторону реакционного. Поэтому все, даже если что-то есть хорошее, – наверное, что-нибудь есть хорошее (там, помилования какие-то были, да?), – оно все меркнет под трендом. А тренд негативный.

А. САМСОНОВА: А самое страшное что? Что было ключевым решением?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, что политические процессы. Сам Путин же сказал, отвечая на вопрос про Сердюкова, что нам не нужны процессы с политической составляющей. Собственно, он мне кинул мячик в этом смысле. И мой смысл, смысл моей реплики был в том, что, что же, вы говорите, что нам не нужны процессы с политической составляющей, когда вот уже 3 примера есть-то точно – я имею в виду Pussy Riot, Навальный и дело Болотной 6 мая. Совершенно очевидно, что они содержат политическую составляющую. Это не только мне очевидно. Так говорят международные организации и юристы, так говорит Совет по правам человека при президенте РФ (ну, я имею в виду, по Pussy Riot, во всяком случае). Поэтому наличие политической составляющей в судебной практике, и понятно какой – это очень плохой знак. Это первое. То есть использование судов для сведения политических счетов – оно очевидно. Да, мне скажут «Ходорков-

ский». Да, Ходорковский – единичный случай. Мы видим за этот год систему. На мой взгляд. Мне так кажется, что это политическая составляющая, против которой как бы громогласно возражает президент, она присутствует. И я на это обратил внимание.

Вторая история немаловажная – это то, что Путин подписывает все эти законы, которые принимает Государственная Дума. Как взбесившийся принтер – я добавлю это. Он иницирует многие из них – я имею в виду идеологически, а не юридически. Законы принимаются специально с дырками и с изъятиями, чтобы в эти дырки проваливались политические противники. То есть закон, может быть, и правильный, предположим, там, касающийся интернета, но там специально делается такая дырка, что уже органы исполнительной власти или суда сами решают, кто занимается, а кто не занимается политической деятельностью.

Ну вот эта история с НКО – третья, но она связана и с законами. Там же просто не дается кодификация политической деятельности. И когда выясняется, что там общество по борьбе с тяжелым детским заболеванием занимается политической деятельностью, потому что в его уставе написано «Защита интересов больных вот этой болезнью в органах власти», прокуратура говорит: «А, вот, политическая деятельность. Регистрируйтесь как иностранный агент, потому что вы получили там 250 тысяч рублей из Англии».

А. САМСОНОВА: Кто эти люди в администрации прези-

дента, которые организуют реакционный режим, которые пишут эти законы, которые придумывают?..

А. ВЕНЕДИКТОВ: Реакционный режим, как и прогрессивный режим, организуется Путиным Владимиром Владимировичем.

А. САМСОНОВА: Ну, он не может придумать все законы – об НКО и так далее.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А законы придумывают... Я знаю некоторые...

А. САМСОНОВА: Импульс. Откуда идет импульс?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, смотрите, импульс идет от президента.

А. САМСОНОВА: Дальше?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Вот, президент говорит: «Усыновление детей иностранцами – позор». Дальше остроухий депутат с очень тонкой настройкой на одну башню это слышит и начинает писать закон: «Вот, я принес». То есть на самом деле история в том, что наша власть устроена следующим образом. Она с высокой долей символизма, да? Путин – вообще человек-символ. Он смотрит за жёстами, то же самое депутаты. Они видят: «О, президент сказал про это», – тут же принимается закон. Недоработанный, сырой... Слушайте, закон Магнитского так называемый, акт Магнитского, закон Кардина, как мы знаем, 2,5 года проходил и не потому, что там кто-то мешал, хотя и мешала администрация, а потому что есть процедура принятия закона, чтобы не было в

нем дырок, чтобы не было в нем двойных толкований.

А. САМСОНОВА: Кто пофамильно собрался обсуждать, как Россия ответит на закон Магнитского?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, что это Совет безопасности РФ во главе с Владимиром Путиным. А по списку смотрите.

А. САМСОНОВА: И кто там сидел, да.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, по списку там сидели Патрушев как секретарь Совбеза, премьер-министр, министр обороны, министр юстиции, министр иностранных дел, 7 полпредов и так далее.

А. САМСОНОВА: Кому пришла в голову нетривиальная мысль ответить сиротами?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Про это никто не знает, но говорят, что это предложила помощник президента Татьяна Голикова. Сертифицировать не могу. Но люди кругом знающие, которым я доверяю, говорят, что, скорее всего, предложение исходило от Татьяны Алексеевны.

История заключается в том еще... Тут же надо понимать, что все в контексте надо смотреть. Внимательный наблюдатель, тот, кто вспомнит прямую линию президента в 2011 году в декабре, вспомнит, как он сказал: «Иностранное усыновление – это позор. Я против иностранного усыновления». Он сказал это публично. А до этого еще год назад он это уже говорил нам, главным редакторам. Это его искренняя позиция. Но пока общественное мнение не сложилось, он ее и не толкал. И тогда встала актриса вот эта Оксана Буди-

на, которая сказала: «Вы не правы, Владимир Владимирович. Это очень важно». Сейчас сложилась ситуация, когда, ну, мы знаем, что часть его команды выступила против по разным причинам. И тем не менее, точка зрения президента – она возобладала. Эта поправка была внесена на второе чтение и была принята Государственной Думой с расторжением известного международного договора.

А. САМСОНОВА: У меня вопрос мой личный, не журналистский никакой. Я чувствую, что я проиграла в прошлом году. Вот, формально. Все мои силы были потрачены, и я была в эйфории...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ты ошибаешься.

А. САМСОНОВА: Ну, временно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, я тебе говорю, ты ошибаешься.

А. САМСОНОВА: О'кей, допустим. Но несколько людей, которых я знаю лично и с которыми я дружу, посажены в тюрьму. Несколько людей ждут ареста, несколько людей эмигрируют. И в целом состояние, в общем, страшное. И страшно за жизни...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Твоего окружения.

А. САМСОНОВА: Моего окружения. Страшно за жизни людей, которые родились в 80-е, вот в этом поколении царит паника. В нашем детстве и в юности «Эхо Москвы», свобода и так далее. И как человек, который символизирует свободу (вы для меня)... Ну, я политикой стала интересоваться, когда на «Эхо Москвы» пришла – до этого не интересовалась.

Вы ходите к человеку, который сажает моих друзей, вы с ним разговариваете. И для меня это больно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Хорошо. А если б я был врачом и у него болела спина, и меня позвали делать операцию, я должен был его зарезать?

А. САМСОНОВА: Я знаю этот ваш...

А. ВЕНЕДИКТОВ: А почему я должен?..

А. САМСОНОВА: Алексей Алексеевич, я 5 лет...

А. ВЕНЕДИКТОВ: А почему я должен его изменить сегодня?

А. САМСОНОВА: Алексей Алексеевич, как вы это внутри переживаете?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Никак я это не переживаю. Видишь, седой за 2 года стал. За 2 года. Переживаю. Переживаю, потому что я считал...

А. САМСОНОВА: Как вам не больно с ним разговаривать?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, разговаривать мне не больно, потому что это профессионально. Ну, подождите. Во-первых, он мне интересен. Они все мне интересны, люди, которые там работают. Они – очень сложные люди, они – очень непростые люди. Мне профессионально интересно. А во-вторых, я повторяю, я все время говорю, это как... Ну как? Ну, работа, слушайте. Это все равно как, извини меня, хватать людей, которые там оказывают помощь и разговаривают с оппозицией. То же самое. Какая разница тогда между ли-

дерами оппозиции и Путиным? Да никакая.

А. САМСОНОВА: Наш слушатель задает такой вопрос. Вот, мы приходим после праздников, а Путин исчез, вот нет его, исчез.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Улетел на Марс, да.

А. САМСОНОВА: И все такие: «Опа, исчез Путин». Улетел на Марс. Что меняется? Что не меняется, что остается?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, что команда... Я вот представляю себе, команда – она сделает промежуточным наследником Медведева. То есть и по Конституции, как бы, премьер-министр исполняет обязанности. И будет искать наследника, который будет продолжать некую политическую линию.

Вообще, команда Путина – это очень интересно, потому что в его первой каденции (собственно, формула принадлежит, по-моему, мне, первой я услышал ее от себя, я бы сказал так) команда Путина – это от Сечина до Чубайса и наоборот. Это огромный пласт российской бюрократии, людей, которые делали ельцинские реформы, гайдаровские реформы, частично горбачевские реформы, и это противники этих реформ – они все в команде Путина.

Поэтому, собственно говоря, я считаю, что команда Путина – это не партия, это не идеологическая партия, это слой бюрократии. Внутри каждого слоя есть свои интересы. Вот уже Сечин сцепился с Миллером, и покатались они, потому что этот – нефть, а этот – газ. Ну, это самое примитивное. А

Чубайс – электроэнергетика. Там, группа бизнесменов, значит, она лесом торгует, есть такая, есть такая. И поэтому я думаю, что в среде команды начнется раскол, каждый будет выдвигать своего представителя, ну и там кто возьмет выше. Все может быть и лучше, и хуже. Поэтому... Вот, как бы, люди... Я этим объясняю, что люди не хотят смены Путина – я имею в виду 40 % или 60 %, ну, не важно. Вот интуитивно на животном уровне люди понимают, что смена Путина – это смена политики. И не хотят изменений. На долю одного поколения выпало очень много изменений, да? Брежнев, Андропов, Горбачев, Ельцин, Путин. Все, хватит. «Объявите нам правила игры, уйдите от нас. Не трогайте нас. Вот есть Путин, вот он такой». Это для меня объяснение, почему реально Путин, как зеркало, отражает вот эту стабильность. У него в последний год этот термин, в общем, исчез, я обратил бы внимание, но предыдущие годы, все 12 лет его основным частотно употребляемым словом (ну, не 12, может быть, 10) была «стабильность». Там, с 2002-го года по 2012-й – это изучали социологи специально – было слово «стабильность». И вот это большинство населения на сегодняшний день, или относительное большинство, оно, конечно, не променяет ни на что.

А. САМСОНОВА: При каком сценарии система, в которой Путин звено, но одно из, – я имею в виду нечестные выборы в Думу, отсутствие парламента, отсутствие честных судов и подконтрольные суды, и так далее, и так далее, и так

далее, – вот эта система нынешняя, которая существует уже долгое время, меняется на контролируемую гражданами системой? Сценарий.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Значит, смотрите. Конечно, система изменялась. Она 10 лет не была одной и той же. И вот эти попытки реформ, которые начал в конце своего срока Медведев и, в общем-то, поддержал Путин с известными ограничениями, они доказывают нам лишь то, что система уже меняется в эту сторону.

Я представляю себе... Очень интересные будут выборы 8 сентября, потому что большинство партий... Даже забыли, губернаторские выборы, да? Там будет особая история, муниципальный фильтр, которого, как Медведев мне сказал, «его нету». Как его нету? Вот он. Дмитрий Анатольевич, что с вами? Вот он.

А вот законодательные собрания, муниципальные выборы – это, знаешь, такой градусник замера. Там, где это возможно, мы видим там, условно говоря, в некоторых городах на выборах, там, где особых претензий нет, мы видим, что «Единая Россия», то есть партия Путина (давай это называть так, конечно же), набирает от 40 до 60 процентов голосов – я имею в виду выборы в Подмосковье и так далее, и так далее.

Это означает, что протестный потенциал сконцентрирован в крупных городах, вот, 13-миллионниках. Вот будут выборы в ЗАКС Екатеринбурга и будут выборы мэра Екатеринбурга. Посмотрим, кто регистрируется, как пойдет. Но уже

понятно, что «Единая Россия» не будет там обладать абсолютным подавляющим большинством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.